

Люди. События. Факты. АББАТ А. СЮРЮГ О МОСКОВСКОМ ПОЖАРЕ 1812 ГОДА

Автор: В. Н. ЗЕМЦОВ

Земцов Владимир Николаевич - доктор исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург.

Редкий исследователь, как отечественный, так и зарубежный, обратившийся к московским событиям 1812 г., не упоминал свидетельств аббата А. Сюрюга, кюре французской церкви Св. Людовика в Москве. Именно со ссылкой на его письма, отправленные отцу Буве, проходил спор французских историков с графом Ростопчиным, начавшийся с выходом в 1823 г. его книги "Правда о пожаре Москвы"¹ и положивший начало почти уже двухвековой историографической дискуссии.

Аббат Адриен Сюрюг родился в 1753 г. в селении Кламси, вошедшим позже в департамент Ньевр. Воспитанный в коллеже Св. Варвары, он был оставлен там преподавать. Здесь он познакомился со знаменитым в будущем педагогом Ш. -Э. Николя, аббатом, создателем Ришельевского лицея в Одессе. В дальнейшем Сюрюг возглавил королевский коллеж в Тулузе, стал доктором теологии Сорбонны. Но в 1792 г. после известных антицерковных декретов Национального законодательного собрания, как и аббат Николь, он вынужден был эмигрировать. Однако в Россию Сюрюг попал, вероятно, позже, чем аббат Николь. Именно по рекомендации последнего Сюрюг был приглашен наставником в семейство графа А. И. Мусина-Пушкина. Сам факт такого приглашения к русскому историку, собирателю и археографу, свидетельствовал об исключительных познаниях и большом педагогическом опыте Сюрюга. Помимо этого, Сюрюг служил в России каноником духовной коллегии Пильзена (город входил в диоцез Вильно), а с 1807 г. стал кюре французской церкви Св. Людовика в Москве. Сюрюг, отличавшийся твердостью характера и энергичностью, значительно расширил материальные возможности и влияние этого прихода².

Своеобразно складывались отношения Сюрюга с семейством Ф. В. Ростопчина. Жена Федора Васильевича Екатерина Петровна, урожденная Протасова, под влиянием французской культуры и благодаря знакомству с сардинским посланником Ж. де Местром, прониклась идеей перехода из православия в католичество. Еще ранее, вскоре после смерти в 1802 г. своего мужа А. А. Голицына, шталмейстера и сенатора, старшая сестра Екатерины Петровны Александра перешла в католичество благодаря аббату Николу. Именно у нее в подмосковном имении Алексеевка Екатерина Петровна познакомилась с аббатом Сюрюгом. Когда это знакомство закончилось переходом Екатерины Петровны в католичество, сказать невозможно. Как отмечала ее внучка Лидия Ростопчина, "тайна была глубокая, и охранялась тщательно". В семейных преданиях Ростопчиных фигурировали три версии - в 1802 г., в 1806 г. и 1810 году. Как бы то ни было, до ноября 1812 г. Екатерина Петровна факт перемены веры тщательно скрывала, в особенности от мужа, на чем настаивал Сюрюг³.

Когда Ростопчин был назначен в 1812 г. московским главнокомандующим, Сюрюг

близости от церкви Св. Людовика⁴. Нередко прямо в доме главнокомандующего, прогуливаясь после обеда по анфиладам комнат или по дорожкам сада, Сюрюг исповедовал Екатерину Петровну. Для того, чтобы тайно причащать ее, аббат изобрел специальный серебряный ящичек-дароносицу, которую надевал на шею своей спутнице. Роль дарохранительницы играло специальное пространство одного из шкафов черного дерева, инкрустированного слоновой костью.

С началом военных действий Наполеона против России положение иностранцев в Москве заметно осложнилось. Ростопчин, ранее предлагавший вообще очистить Москву от иностранцев, что не было поддержано Александром I, теперь не просто усилил за ними общий надзор, но и начал в своих "афишах" возбуждать против них русское население. Не без влияния этой пропаганды среди москвичей, по крайней мере дважды, составлялись заговоры с целью поголовного истребления иноземцев. Но Ростопчин, с одной стороны, провоцируя ненависть к иностранцам, с другой стороны, предпринимал меры против массовых беспорядков и убеждал иностранцев держать себя как можно осторожнее. 26 июня Ростопчин сделал "Объявление к аббатам католических церквей, находящимся в Москве": "Зная образ мыслей ваших, обращаюсь к вам, милостивые государи мои, прося покорно употребить убедительнейшее средство, по мере возможности, ко внушению иностранцам прихода вашего, чтоб они в поступках своих были благоразумнее и в разговорах ограничивали себя скромностью"⁵.

"Иностранцы, - писал Ростопчин в воспоминаниях, - особенно французы: коммерсанты, артисты и другие лица, проживавшие в Москве, держали себя очень осторожно, так как я, с самого начала войны, дал им предупреждение, через посредство их священников, которым я, по этому предмету, разослал циркуляр. Но русский народ всегда глядел на них косо, вследствие преимуществ, доставляемых им званием иностранца, и обвинял их в том, что они отнимают у него барыш от торговли и работы"⁶. Ростопчину, в частности, стало известно об обширном заговоре среди не менее 300 русских портных истребить всех французов, проживавших на Кузнецком мосту. Раскрытие этого заговора заставило Ростопчина арестовать 40 (по другим данным - 43 или 65) иностранцев, "которые были замечены по своим неуместным речам и по дурному поведению", и отправить их на барже в Нижний Новгород. Ростопчин был уверен, что этой ссылкой он многим из иностранцев спас жизнь. Сами же жертвы высылки, их семьи, да и все московские иностранцы воспринимали этот шаг главнокомандующего иначе, а именно как акт жестокого преследования. Семьи высланных были в полном неведении об их судьбе, а те, кто плыл на барже, переживали за своих близких, которым действительно выпал ужасный жребий оказаться в горящей Москве без мужей и отцов.

Можно представить, в каком паническом ожидании пребывали московские иностранцы накануне сдачи первопрестольной русскими и вхождения в нее войск Наполеона. По Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город⁷, о том, что в подмосковном имении строится неким Шмидтом летательный аппарат, с

помощью которого можно будет то ли уничтожить неприятеля, то ли сжечь Москву; что московская чернь с попустительством, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев и так далее. Накануне вступления войск Наполеона в Москву стало известно, что Ростопчин выпустил из тюрем колодников, которые начали поджоги и бесчинства. Именно эти настроения московских иностранцев, многие из которых были прихожанами церкви Св. Людовика, и стали источником главных сведений командования и солдат Великой армии о зловещих замыслах Ростопчина и русского правительства уничтожить Москву вместе со всей армией неприятеля. Из уст в уста передавались и рассказы об убийстве Ростопчиным М. Н. Верещагина, а также о том, как толпа чуть было не растерзала француза Мутона, учителя фехтования, также арестованного за неподобающие речи.

Особенно опасным считали московские иностранцы тот момент, когда русские власти уже покинут город, а французская армия еще не войдет в него. Этот момент был счастливо ими пережит. Однако начавшиеся пожары и грабежи стали для них подлинной катастрофой. Московские иностранцы были не только для французской солдатни, но и для офицеров не более, чем презренными и недобитыми эмигрантами, а значит и должны были испить горькую чашу московских погорельцев до дна. Единственной их опорой в первые дни пожаров оказался аббат Сюрюг. Французская москвичка актриса Л. Фюзиль, чьи воспоминания вышли в Париже в 1814 г., писала: "Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, где бедные иностранцы находили во всякое время приют. Пока город горел, солдаты грабили его. Все женщины, дети и старики попрятались в церкви. Когда появились солдаты, аббат Сюрюг открыл двери и в полном облачении с распя-

стр. 138

тием в руках, окруженный этими несчастными, единственной опорой которых был он, с уверенностью предстал перед озверелыми солдатами, которые с уважением попятнулись перед ним". Далее Фюзиль пишет: "Аббат Сюрюг попросил стражу для охраны несчастных семей, и ему ее тотчас же дали. Наполеон хотел его видеть и всячески убеждал вернуться во Францию. "Нет, - отвечал тот, - я не хочу бросать свое стадо, которому могу быть еще полезен"". Хотя в съестных припасах уже чувствовался недостаток, их все-таки посылали аббату, и он делил их, как добрый пастырь"⁸.

В одном из писем самого Сюрюга говорится, что никакой встречи с Наполеоном у него не было: "В течение шестинедельного пребывания здесь французов, я не видел даже тени Наполеона и не стремился увидеть его. Говорили, что он собирается позвать меня, и это сообщение меня испугало; к счастью, оно не оправдалось. Он не посетил нашу церковь и вероятно и не думал об этом"⁹. Из писем Сюрюга, в особенности к аббату Николю от 10 ноября, достаточно точно можно установить, с кем именно из высших чинов Великой армии и французской администрации он встречался. Первой была встреча с Э. -Ж. -Б. Мийо, дивизионным генералом и военным комендантом Москвы, затем - с маршалом Э. -А. -К. Мортье, назначенным генерал-губернатором провинции, потом - с генерал-интендантом Великой армии М.

Дюма. Была встреча и с гражданским губернатором М. -М. -П. Лесепсом¹⁰.

Хотя в письмах иезуит Сюрюг предпочел умолчать о некоторых деталях своих бесед с представителями французской администрации и командования, очевидно, что он вел себя в отношении их очень осторожно и отклонил предложения на предмет тесного сотрудничества. Среди прочего, генерал-интенданта Дюма особенно интересовали сведения о Ростопчине, как главном виновнике пожара. Сюрюг, что следует из его писем и "журнала", убежденный в том, что именно действия московского главнокомандующего стали главной причиной поджогов, поделился с французами имевшимися у него сведениями на этот счет. На предложение Лесепса покинуть Москву с отступающей Великой армией аббат, верный своему пастырскому долгу, ответил отказом.

20 октября (н. ст.) Наполеон отдал из с. Троицкого приказ французскому гарнизону оставить Москву. В приказе содержалось требование взорвать оба московских дома Ростопчина¹¹. Дом в Сокольниках действительно был уничтожен, но дворец на Лубянке, хотя и полностью разграбленный, уцелел. Главная заслуга в этом принадлежала Сюрюгу, который убедил французское командование, что огонь с ростопчинского здания сразу же перебросится на квартал, примыкавший к церкви Св. Людовика¹².

11 октября вблизи церкви появились русские казаки, которые к радости Сюрюга взяли только часть серебряной посуды, сукно, вино, рыбу и овощи¹³.

После перенесенных бедствий аббат Сюрюг был физически и нравственно истощен. Несмотря на это, он продолжал вести церковную службу, заботиться о судьбе беженцев, размещенных в строениях церкви, посещать раненых и больных французских солдат, оставленных в Москве. Когда в Москву возвратился Ростопчин, Сюрюг поспешил встретиться с ним. Однако аббата ждал суровый прием. Как оказалось, Екатерина Петровна все же поведала мужу о переходе в католичество. "Ты совершил подлый поступок", - бросил аббату Ростопчин и более не принимал его у себя. Все попытки Сюрюга объясниться только усугубляли ситуацию¹⁴.

21 декабря аббат Сюрюг скончался. Согласно одной из версий, когда он сопровождал тело умершего в госпитале французского солдата на кладбище, его остановила, ограбила и, видимо, избилла группа казаков. Брошенный на снегу, он с трудом смог добраться до дома и более уже не поднимался на ноги¹⁵. Его похоронили на Введенском кладбище. На могиле был установлен не сохранившийся до наших дней пьедестал из серого гранита, увенчанный крестом из розового камня.

Впервые два письма Сюрюга от 19 октября и 8 ноября 1812 г., адресованные собрату по ордену иезуитов отцу Буве, были опубликованы Обществом французских библиофилов в 1820 году. В 1821 г. эти письма были отпечатаны отдельным изданием в количестве 30 экземпляров в парижской типографии Ф. Дидо¹⁶. Третье издание было осуществлено в 1823 г.¹⁷ в ответ на публикацию Ростопчиным "Правды о пожаре Москвы". В 1857 г. аббат Фрапа опубликовал еще одно, третье, письмо Сюрюга от 10 ноября 1812 г., адресованное аббату Николю, который находился в те дни в Одессе¹⁸.

В 60-е годы XIX в. Ладраг, известный изданием в 1871 г. записок московского

француза шевалье Ф. -Ж. д'Изарна, познакомился в архиве церкви Св. Людовика в Москве с рукописью, явно перекликавшейся с текстом первых двух писем Сюрюга. Это был своего рода "журнал" или "историческая записка", составленная аббатом сразу после оставления французами Москвы. На рукописи, представлявшей собой семь с половиной страниц убористого текста, имевшего многочисленные вставки и исправления, были две надписи, сделанные почерком других лиц. Первая: "Это все,

стр. 139

что осталось от книги, содержащей то, что имеет отношение к величайшей опасности, имевшей место в Москве во время прихода Бонапарта". Вторая: "Возвращены в книгу найденные вновь листы благодаря хлопотам из бумаг г-на графа Ростопчина, которые были, вопреки всем правилам, вырваны из книги. Аббат Шибокс (Chibeaux), кюре-прево [церкви] Св. Людовика". Действительно, листы были заново подшиты к церковному регистру шнурком, имевшим на своих двух концах печать красного воска¹⁹. Ладрагу тогда не удалось этот "журнал" опубликовать. Он был впервые издан А. Ле Ребуром во Франции в 1891 году²⁰. Вторично он вышел отдельным изданием в Москве, также на французском языке, в 1909 г. благодаря стараниям Либерсье. В качестве приложения Либерсье опубликовал еще одно письмо Сюрюга от 9 ноября 1812 г. архиепископу Могилевскому С. Сестренцевичу, митрополиту римско-католической церкви Российской империи, находившемуся в то время в Петербурге. Написанное в оригинале по латыни, оно было переведено на французский язык. В этом письме, в основном, описывалось положение, в котором оказались католический причт и иностранная колония в разоренной Москве²¹. Л. Миро высказывал предположение, что сразу после ухода из Москвы французов кюре церкви Св. Людовика стал готовить "журнал" "с описанием произошедших событий. Экземпляр этого "журнала" 19 октября он отправил Буве в Петербург для передачи Сестренцевичу. Не дождавись ответа, 9 ноября он отправляет через того же Буве еще один экземпляр. В обоих случаях, наряду с "журналом" Сюрюг посылал и письма специально для Буве²². Судьба обоих отправленных экземпляров "журнала" неизвестна. Вероятно, они все же дошли до Сестренцевича. Что же касается двух писем Буве, то они и стали первыми публикациями литературно-исторического наследия аббата Сюрюга. В бумагах же Ростопчина оказался черновой вариант рукописи "журнала", который и был потом возвращен в дела церкви, а затем опубликован в 1909 году. Так как наиболее полным текстом является рукопись, обнаруженная в бумагах церкви, и публикация ее была осуществлена определенно с оригинала, используем именно ее в качестве основы для выяснения особенностей взглядов автора.

Сюрюг начинает повествование с констатации того факта, что система отступления русской армии, превращавшая территорию в "континентальную пустыню", обреченную на предание огню и разграбление, была одобрена русским правительством. Французам оставались только "пустыни, покрытые пеплом". После того, как русская армия прошла Москву в ночь с 1 на 2 сентября, Ростопчин собрал в своем доме на Лубянке подчиненных ему полицейских и гражданских чинов города. По приказу Ростопчина заключенные были выпущены на свободу²³. Только двое из заключенных были, как можно понять из текста, специально оставлены, "дабы предстать" перед Ростопчиным. Далее следует достаточно подробное описание сцены расправы с купеческим сыном Верещагиным, описанной позже и самим

Ростопчиным. Разница этих двух описаний заключается в некоторых важных подробностях, которые Сюрюг, в отличие от Ростопчина, приводит. После умерщвления Врещагина драгунами, "его ноги были охвачены длинной веревкой и его окровавленный труп таскали по всем улицам, среди оскорблений со стороны населения".

К двум часам дня, когда Москва опустела, наступила "ужасающая тишина". Вместе с тем, выпущенные на свободу преступники вперемешку с русским населением стали вооружаться благодаря разграблению Арсенала. "Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам. Чувство ужаса охватило иностранцев и мирных граждан, которые остались... в городе без полиции, без какой-либо администрации, покинутые на волю людей извращенных и имевших дурные намерения".

Наконец, к пяти часам вечера показался французский авангард. К вечеру рота гренадеров Молодой гвардии, обосновавшись на Кузнецком мосту, выделила 5 человек для охраны церкви Св. Людовика. "Но уже начал осуществляться проект, рожденный от патриотического энтузиазма, а именно, уничтожение г. Москвы ради спасения империи, и подготовка к тому, чтобы спалить французскую армию в пожаре этого необъятного города". Далее Сюрюг связывает этот план с тем, что в Воронцове, загородном доме князя Репнина²⁴, расположенном в 6-ти верстах от города, был организован своего рода арсенал, где делались предметы пиротехники, специальные снаряды и другие материалы "для выполнения великого проекта". Причем Ростопчин, пытаясь это скрыть, объявил о приготовлениях аэроплана²⁵.

Далее Сюрюг подробно воспроизвел географию начавшихся пожаров, связывая их с выполнением ранее разработанного плана. В подтверждение этого аббат заявил о том, что полиция заранее вывезла из города все насосы. Сюрюг поразительно точно передал реакцию Наполеона на возникшие пожары. Вначале император не был склонен верить докладам о существовании плана предать город огню и "не оставлять французам победы, кроме множества пепла". Однако сопоставив все сведения, в том

стр. 140

числе "собранные свидетельские показания", Наполеон уверился в существовании плана и отдал приказы о расстрелах поджигателей. По словам Сюрюга, расстрелянные были, большей частью, "чины полиции, переодетые казаки, солдаты, сказавшиеся ранеными, и лица из семинарий, которые расценивали это дело как угодное Богу".

"Тем временем, - продолжает аббат, - чернь с ожесточением крушила двери и вламывалась в подвалы лавок, объятых огнем". Все что только можно, подверглось разграблению. "Солдаты, которые не могли оставаться спокойными зрителями, приняли в этом очень активное участие". "Действительно, - констатировал Сюрюг, - план сожжения города был создан в качестве военной меры русским правительством..." Значительную роль в распространении пожаров Сюрюг отводил сильному ветру, который нередко менял свое направление и серьезно мешал попыткам остановить огонь. Повествует Сюрюг и о попытках самого Наполеона и

Неаполитанского короля помочь страждущим иностранцам, подыскав им убежище и обеспечив довольствием. Приводит аббат и любопытный эпизод, свидетелем которого он был сам, когда рота фузилеров Молодой гвардии, вооружившись ведрами, смогла остановить огонь на подступах к Лубянке и оградить квартал, где была церковь Св. Людовика и церковные постройки, от неизбежного уничтожения. Сами пожары заметно уменьшились только 6-го числа благодаря сильному дождю и прекращению ветра.

Далее Сюрюг кратко описал встречу Наполеона с директором Воспитательного дома И. А. Тутолминым и меры императора по оказанию помощи госпиталям. Хотя госпитали были спасены от пожара, но система помощи раненым находилась в самом плачевном состоянии. По сведениям Сюрюга, "из более чем 15 тыс. раненых, привезенных недавно армией, половина погибла, одни от огня, другие от отсутствия помощи".

Сюрюг должен был констатировать факт разнузданного грабежа со стороны французских солдат. Очевидцы, "которые, большей частью, были жертвами", поведали ему о том, что солдаты "не уважали ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков".

С плохо скрываемым чувством удовольствия написал католический аббат о прекращении русскими священниками службы в православных храмах: "...люди, среди ужасов страшного бедствия не имели возможности излить свою душу у алтаря своего бога и воспользоваться этой последней возможностью, которая оставалась у несчастных". Впервые после 15-дневного перерыва служба была возобновлена в Москве в церкви архидиакона Евпла священником Кавалергардского полка, случайно оставшегося в Москве, который, как Сюрюг не преминул заметить, был иностранного происхождения. Этим, по мнению Сюрюга, недостойным безразличием русских, особенно священников, к своим святыням, и объяснялось отсутствие у французских солдат щепетильности в отношении того, чтобы использовать сохранившиеся во время пожара каменные здания церквей под различные бытовые нужды. Все же такого рода действия находили у Сюрюга осуждение. "Никогда захваченный приступом город не был свидетелем подобных крайностей, и французский офицер сам сознавался, что после эпохи французской революции, французская армия никогда не становилась виновницей столь страшного беспорядка, и сваливала бы вину на иностранные войска, в особенности, на поляков, уверяя, что они имели особые причины для такой мести".

Все же Наполеон, как отмечал аббат, пытался принять решительные меры, чтобы остановить грабежи. "Но какая плотина может остановить поток?" - восклицал автор. Хотя "были случаи, когда офицер убивал взбунтовавшегося солдата, но этим ничего не достигалось". Безрезультатно закончилась и попытка организовать подвоз окрестными крестьянами фуража и продовольствия. Особенно серьезно от отсутствия фуража страдала французская кавалерия.

От Сюрюга не скрылся и факт посылки Наполеоном дивизионного генерала Ж. -А. Лористона в ставку Кутузова. "Рассказывают, - пишет он, - об отправлении парламентаря в русскую армию, но это не завершилось успехом". По мнению Сюрюга, после провала этой миссии французским командованием и было принято решение об оставлении Москвы. Стала заметной большая активность по отправке

конвоем с ранеными и больными по дороге на Смоленск. Был отдан также приказ насушить большое количество сухарей. При этом, те рационы, которые ранее были обещаны беженцам, "были взяты обратно". В качестве компенсации император выделил несчастным 50 млн. рублей, которые должны были распределить среди них "выборные люди". На каждого страждущего должно было прийти по 90 рублей. В условиях подготовки к эвакуации и из-за трудностей с перевозкой медной монеты эта мера ничего не дала. "Кое-кто из населения Москвы и окрестных крестьян хорошо нажился: многие нагружали телеги медью и прятали ее в тайных складах".

стр. 141

6 октября во время генерального смотра войска получили приказ подготовиться к отправлению. Вскоре Наполеон покинул Кремль, предварительно сняв крест с колокольни Ивана Великого. На другой день маршал Мортье перенес свою ставку в Кремлевский дворец, и все оставшиеся войска (5 тыс. человек) сконцентрировались вокруг Кремля.

8 октября партия казаков проникла в Москву и прошла вплоть до Кремля. Несколькими днями ранее, в преддверии отступления, французами был подожжен Петровский дворец, а затем дом Ростопчина в Сокольниках. Об общем отступлении оставшихся французских войск было объявлено 10 октября, и около семи вечера войска начали марш. К 11-ти часам вечера они полностью эвакуировались из Кремля и из города. В ночь на 11 октября "произошло зловещее событие": около двух часов утра прогремел мощный взрыв, уничтоживший арсенал Кремля; в то же время был подожжен и Царский дворец в Кремле. Сила взрыва была такой, что все стекла в оставшихся московских домах были разбиты. При эвакуации из Москвы французы "оставили на великодушие своих врагов более 2 тыс. раненых, которые были переведены в Голицынский госпиталь и госпиталь Воспитательного дома. "...Часть этих несчастных, которые напились, ожидая увидеть [русскую] армию, были захвачены врасплох крестьянами, которые устроили избиение".

В заключение Сюрюг приводил цифры уничтоженных московскими пожарами домов. По его словам, до пожара было 9 тыс. 300 домов обычных обывателей и более 800 "дворцов знати". После пожаров осталось не более 1/5 от прежнего количества²⁶.

Пытаясь сохранить позицию беспристрастного наблюдателя, Сюрюг счел необходимым заявить: "Мы не позволяем себе рассматривать вопрос о том, был ли пожар Москвы мерой абсолютно необходимой, дабы добиться результата, который этим планировался; это тот вопрос, который следует отнести на беспристрастный суд потомства". И все же, несмотря на демонстративный отказ Сюрюга делать какой-либо окончательный вывод по московским событиям 1812 г., его оценки достаточно очевидны.

Аббат Сюрюг был исключительно осведомленным человеком. Помимо того, что он был близок к семье Ростопчина, в период наполеоновской оккупации он вступал в непосредственные контакты с администрацией Великой армии. Доставляли Сюрюгу сведения и многочисленные прихожане церкви Св. Людовика. Сам он был не просто посторонним свидетелем, но и критически мыслящим участником событий. В

письмах и исторической записке Сюрюга нашли последовательное отражение настроения московских иностранцев. В их представлении чуть ли не единственным организатором пожара стал Ростопчин, исполнявший план заманивания и уничтожения противника в разоренной и выжженной русской пустыне. Реальные события, разыгравшиеся после вхождения Великой армии в Москву, казалось, полностью подтверждались рассказами москвичей-иностранцев. Теперь эта полуреальность-полуфантазия становилась уже незыблемой истиной для французов-участников похода и будущих французов-историков. Так родилась французская версия московского пожара, воспроизводящаяся во Франции вот уже без малого два столетия.

Примечания

1. ROSTOPCHINE Th.V. La verite sur l'incendie de Moscou. P. 1823 (русское издание: РОСТОПЧИН Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М. 1823); CHAMBRAÏ G. Reponse de l'auteur de "L'expedition de Russie", a la brochure de M. Le comte Rostopchin. P. 1823; Ibid. Histoire de Pexpedition de Russie, p. 253 - 256, note 2.

2. Помимо церкви Св. Людовика, находившейся в Мясницкой части, прихожанами которой были в основном французы, в Лефортовской части была еще католическая церковь Св. Петра и Павла.

3. РОСТОПЧИНА Л. Семейная хроника (1812 г.). М., б. г., с. 105 - 126; NARICHKINE M-т (nee comtesse Rostopchine). Le comte Rostopchine et son temps. St. Petersbourg. 1912, p. 99- 100, 122; TOLSTOÏ D.A. Le Catholicisme Romain en Russie. P. 1864, p. 78 - 80, 195 - 196; PINGAUD L. Les Francais en Russie et les Russes en France. P. 1886, p. 315; МОРОШКИН М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб. 1867, т. I. с. 493; СПб. 1870, т. 2, с. 493, примеч. 456.

4. Современное здание церкви, построенное в 1827 - 1830 гг. на месте прежнего.

5. ЕЛЬНИЦКИЙ А. Ростопчин Ф. В. Русский биографический словарь. Птг. 1918, с. 281 - 287.

6. РОСТОПЧИН Ф. В. Записки о 1812 годе. РОСТОПЧИН Ф. В. Ох, французы! М. 1992, с. 289 - 290.

7. NARICHKINE M-m. Op. cit., p. 180.

стр. 142

8. Записки актрисы Фюзиль де ла Флиз. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М. 2003, с. 144.

9. SURUGUES. Lettres sur l'incendie de Moscou, ecrites de cette ville. P. 1823, p. 10.
10. 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга. - Русский архив. 1882, N 4, с. 202 - 204.
11. NAPOLEON I. Correspondance de Napoleon I. P. 1868, t. 24, N 19292, p. 278 - 279.
12. MIROT L. L'Abbe Adrein Surugue. Un temoin de la campagne de Russie. P. 1914, p. 42; NARICHKINE M-m. Op. cit, p. 198.
13. 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга, с. 202.
14. TOLSTOY D.A. Op. cit., p. 80; MIROT L. Op. cit., p. 40.
15. Melanges publics par la Societe des bibliophiles francais. P. 1820, t. 1.
16. YSARN DE VILLEFORT F.J.D. Relation du sejour des Franzais a Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812. Bruxelles. 1871, p. 174.
17. SURUGUES. Lettres sur l'incendie de Moscou...
18. FRAPPAZ, l'abbe. Vie de l'abbc Nicolie. P. 1857.
19. YSARN DE VILLEFORT F.J.D. Op. cit, p. IX, 174 - 175; SURUGUE A. Mil huit cent douze. Les Francais a Moscou. M. 1909, p. 12 - 14.
20. Moscou pendant l'incendie. Journal du cure de Saint-Louis des Francais (1er septembre - 10 octobre 1812). - Correspondant, N 25, Juin 1891.
21. 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга, с. 64 - 71.
22. MIROT L. Op. cit., p. 39.
23. ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. Обманутый Герострат. - Родина. 1992, N 6 - 7, с. 90.
24. То, что Воронцово принадлежало, якобы, князю Репнину, повторил сам Наполеон. На самом деле Воронцово было имением княгини А. Н. Волконской. Таким образом, ошибка Сюрюга стала ошибкой французского императора, что еще раз подтверждает характер источников французского командования об обстоятельствах поджога Москвы.
25. Эта версия, иногда дословно, повторена Наполеоном в бюллетенях Великой армии.
26. Согласно официальным данным, до нашествия в Москве было 9151 дом, из них каменных - 2567, деревянных - 6584. Сожжено в сентябре-октябре было 6496 домов

(ПОЛОСИН И. И. Кутузов и пожар Москвы 1812 г. Исторические записки. М. 1950, т. 34, с. 157.

стр. 143